**УДК 316.422 (571.6)**

**Шиян Виктор Никитович** – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и политологии Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС (г. Хабаровск). *Тел. (4212) 31 59 75*

**В.Н. Шиян**
**V.N. Shiyan**

## Коренные для российских дальневосточников социальные вопросы

*Социальные качества территории определяются наличием самого человека в среде его жизнедеятельности и воздействием возникающих при этом качественных системных характеристик на функционирование этой среды. Они обусловливаются особенностями состава населения данной территории и факторами происходящих на ней экономических, геополитических, правовых, технологических, коммуникационных и прочих процессов в динамике их преобразований. По большинству учитываемых социально-культурных характеристик, отражающих уровень и качество жизни дальневосточников, тенденция измерения имеет направленность в сторону их понижения – от мирового к российскому, а от общего российского – к дальневосточному региональному. Актуальным вопросом современных социально-экономических дальневосточных преобразований является выяснение причин формирования такой тенденции социальных изменений в условиях многолетнего и многообразного реформирования всех структур и отношений этого макрорегиона. Ответ на него позволит повысить качество проведения нынешних стратегических и тактических модернизационных процессов на этой территории.*

## Social fundamental problems of the Russian Far-Easterners

*Social qualities of the territory are determined by the presence of a person in the environment of his activity and the impact arising thus of the qualitative system characteristics on functioning of this environment. They are caused by the structure features of the population of this territory and the factors of economic, geopolitical, legal, technological, communication and other processes happening on it in the dynamics of their transformations. On the majority of considered welfare characteristics reflecting the level and quality of life of the Far-Easterners, the tendency of measurement has a focus towards their decrease – from the world to the Russian, and from the general Russian – to the Far-Eastern regional. Actual question of the modern social and economic Far-Eastern reorganizations is clarification of the reasons of formation of such tendency of social changes in the conditions of long-term and diverse reforming of all structures and relations of this*

*macro-region. The answer to it will allow increase the quality of carrying out current strategic and tactical modernization processes in this territory.*

***Ключевые слова:*** *социальность, территориальные социальные вопросы, дальневосточные социальные реформы, модернизация социально-экономических процессов на Дальнем Востоке, территориальные социальные ресурсы, дальневосточные территориальные социальные проблемы.*

***Keywords:*** *sociality, territorial social problems, the Far-Eastern social reforms, modernization of social and economic processes in the Far East, territorial social resources, the Far-Eastern territorial social problems.*

***1. Актуальность социального для дальневосточников.*** Актуальность рассматриваемого здесь феномена *социального* определяется, прежде всего, наличием самого *человека* в среде его жизнедеятельности и воздействием возникающих при этом качественных системных характеристик на функционирование этой среды. Зачастую данный факт банально воспринимается как сам собою разумеющимся и не принимается всерьёз как требующий к себе *специального* внимания.

Относительно дальневосточных социальных условий жизнедеятельности населения имеются специфические факторы, обусловленные особенностями состава самого населения, наличием значительных неоднородностей в направлениях и темпах происходящих экономических, геополитических, правовых, технологических, коммуникационных и прочих процессов, в динамике их преобразований. Органичными проблемами социально-территориальных процессов являются заботы по *социально-культурному развитию* Дальнего Востока, *согласованному* цивилизационному *продвижению* всех его регионов и самого населения в их делах по решению стоящих перед ними задач.

История свидетельствует, что на протяжении длительного периода развития человечества у властных органов и самого населения сформировалась традиция определения *стратегий* деятельности государств, в которых выражаются ожидания и перспективы функционирования интересующих их территорий на основе учёта разнообразных *имеющихся, создаваемых и приобретаемых ресурсов.* Данный аспект характеризует уровень *сознательной* организации жизнедеятельности территорий и их населения государством и другими *соответствующими социальными институтами. При этом, определяются* содержание *целевой рациональности деятельности этих территорий и направленность* их развития, уровень *включенности* в общие процессы цивилизационных и геополитических событий не только с позиций самой страны, но и её взаимодействия с более масштабными социально-культурными, территориальными, экономическими, финансовыми и другими организационными структурами. Акцентирование внимания к этим вопросам

весьма актуально в современных условиях социально-экономического развития России и российского Дальнего Востока.

Специфика дальневосточной социальности отражается и закрепляется в результатах формирования населения анализируемых в данной работе территорий. Эти результаты имеют исторический характер, оставаясь таковыми и поныне. Социальными являются воспроизводственные процессы человека на данной территории, рассматриваемые как в широком, так и в их конкретном смысле. Социальными выступают процессы функционирования здесь человеческих отношений, будь они финансово-экономического или технико-технологического свойства, государственно-правового или самоуправленческого характера, выражающие обобществленный или индивидуальный уровень своего бытия. Имеются многие социальные аспекты, которые существуют сейчас лишь в виде скрытых факторов, которые обозначатся более полно в последующем.

Обратимся к двум социальным «ступенькам» как своеобразной шкале, относительно которой в настоящее время зачастую отсчитываются уровни «культурности» развития россиян, включая и дальневосточников:

- Россия в системе мирового культурного сообщества;
- Дальний Восток относительно России.

По большинству учитываемых социально-культурных характеристик, отражающих уровень и качество жизни российского, включая и дальневосточного, человека, его образования, состояния здоровья, обеспечения правовой безопасности, правил поведения, инновационной или адаптационной деятельности, как и по многим другим показателям, тенденция измерения в значительной мере имеет сходную направленность: в сторону их понижения – от мирового к российскому, а от общего российского – к дальневосточному региональному. Хочется задаться вопросом: неужели всё так плохо в социальной жизни россиян, включая дальневосточников, как это преимущественно представляется в печати и средствах массовой информации в используемых ими *мерностях социальных оценок* или что-то при этом не совсем верно *подсчитывается*?

На вопрос, поставленный известным дальневосточным учёным М.И. Леденёвым: «Как жить и хозяйствовать на Дальнем Востоке?», – часто ставящийся ныне при обсуждении стратегии развития этой территории, можно спокойно и уверенно дать следующий ответ: так, как следует это делать *культурным современным россиянам*, представляющим собой *неотъемлемую часть страны,* на участие в судьбе которой они имеют полноценное право. И это будет правильным ответом. Но он нуждается в специальных пояснениях и предварительных рассмотрениях.

***2. Коренные проблемы дальневосточной и российской социальности.***

Три стороны исторического процесса: судьба России, определение стратегии её развития и разработка такой стратегии в тесной привязке с жизненными процессами, – на территориях Дальневосточного региона повторяются неоднократно. Мудрые люди считают: если события лишь

единожды дополняют друг друга и при этом даже способствуют проявлению значительных качеств – этот факт всё же можно расценивать как историческую *случайность;* если такое происходит дважды – данный факт вполне допустимо относить к *совпадению;* если же он наблюдается трижды – его следует воспринимать более серьёзно и осмысливать с точки зрения *существенной устойчивой* связи (относиться как к *закономерности*). Не впадая в мистику истории, присмотримся к отмеченным сторонам названного процесса повнимательнее.

Не будем заглядывать вглубь российских и дальневосточных веков, хотя там есть много культурологических, территориальных и социальных вопросов, требующих своего дальнейшего добросовестного исследования [1]. Обратимся к более позднему времени, выберем три исторические точки, характеризующие период примерно последних полторы сотен лет. Историки отмечают, что в конце XIX – начале XX вв. перед Россией стояла *оборонная* задача – связать центральные районы Сибири как наиболее важные в промышленном отношении территории с Дальним Востоком, в частности главной базой Тихоокеанского флота – портом Владивостоком. Задача эта решалась двумя путями: введением морского пароходного сообщения Северным морским путём из устья рек Лены и Колымы и строительством Уссурийской железной дороги как части Транссибирской магистрали. В этот период почти все научные исследования, проводившиеся на Дальнем Востоке, были подчинены выполнению этой стратегической задачи. К концу XIX в. почти все крупные географические открытия здесь были сделаны. Геологические исследования этих территорий, а также изучение промыслов только начинались. Интенсивно велись гидрографические работы. Именно тогда были созданы навигационные карты дальневосточных морей и другие пособия для плавания, а также установлено навигационное оборудование **[**Алексеев, Морозов, с. 80 – 81**].**

Этот фрагмент текста, раскрывающий некоторые аспекты российской стратегии на Дальнем Востоке, может быть интересен для нас в нескольких отношениях. В нем через территориальные вопросы тесно взаимоувязаны геополитические, властно-управленческие и социальные проблемы, которые, в совокупности, могут быть рассмотрены и с позиции *социокультурных цивилизационных* критериев. *Ресурсный* подход в тот период имел ведущее значение. Его характеристика (полезные ископаемые, наличие промыслов и др.) позволяет отметить уровень осуществленности (решенности) целей и задач предпринимаемых действий и обратить внимание на предстоящие в дальнейшем проблемы. Такой подход обеспечивает пространственно-временную «связанность» событий. В приведенном фрагменте одновременно называются важнейшие направления подготовки стратегических средств (открытие месторождений полезных ископаемых, географические открытия, навигационные карты дальневосточных морей, пособия для плавания, установление навигационного оборудования и другие системы коммуникаций), а также уровень цивилизационной культуры подготовки задач (нацеленность на их решение всех проводимых научных исследований,

применение новой техники, новейших технологий и методик, интенсивное ведение гидрографических работ).

Другой факт – вторую историческую точку – возьмем уже из жизни России, отражающей события в ней почти через сто лет, называемые зачастую *пореформенными* за те задачи, которые решаются в стране, начиная с 90-х гг. XX столетия. На начальных этапах реформирования предполагалось, что основные трудности будут связаны с преобразованием прежде социалистических общественных отношений в капиталистические. Действительно, такие трудности возникали в связи с некоторыми проблемами формирования рыночных отношений. Подобные перемены в европейских и ряде других стран назревали и проводились несколько раньше. Ко второй половине XX столетия в мировой общественной жизни значительные преобразования испытали на себе цивилизационные процессы, выражающие мирохозяйственные отношения, формы массовой идентификации народов и социальных групп, их культурной самобытности, а также мобилизации этих социальных ресурсов на решение актуальных проблем. У народов и групп населения обнаружились многие *субъектные* и *технологические* «несовпадения» в сфере культуры труда, его производительности, ответственности работников за результаты своей деятельности и другие подобные аспекты, влияющие на интенсивность и инновационную направленность использования имеющихся ресурсов, определяющих конечные итоги хозяйственной деятельности. Эти факторы как *цивилизационные составляющие* их жизни прочно вошли в структуру развитых в хозяйственном отношении стран. В нашей стране вследствие идеологических и социально-политических попыток сдерживания этих перемен и наличия определенной инерциальности (относительной самостоятельности) развития российского общества подобные трансформации были отодвинуты на 2 – 3 десятилетия. В последующем первоначально предполагаемые специфические для нашей страны трудности отошли на задний план. А на первое место выдвинулись проблемы мировой культуры, обусловливающие вопросы *поведения* людей, их *мотивации* в условиях современного общества.

На «конкурсе» цивилизационных проектов того времени были представлены интересы американоцентричного атлантизма, центральноевропейской суперэтничности, пантюркистизма, славянской культурной идентичности, евразийства и ряда других методологических и идеологических подходов. Произошла дальнейшая интеграция цивилизационных и геополитических процессов. В геополитическом плане актуализировалось внимание к *Азиатско-Тихоокеанскому региону*. Существенной направленностью острия цивилизационного и геополитического движения стало стремление к закреплению многими его участниками итогов проигрыша России в «холодной войне» и продолжение *утрачивания* ею *статуса сверхдержавы* **[**10, с. 219**].** В этих условиях цивилизационная составляющая рисуется ими в виде полнейшего отказа России от собственной идентичности, третируемой в качестве «азиатского

пережитка». Успех этого варианта событий означал разнообразные формы территориального раскола России и безвозвратное разрушение нашей страны.

В качестве возможных рассматривались несколько путей «*участия*» России в таких цивилизационных и геополитических преобразованиях. На фоне растущего экономического отставания России от развитых стран и переживаемого ею общего кризиса весьма великими стали исходящие из богатых государств соблазны демонтажа её внешнеэкономических связей [8, с. 109**],** что способствовало бы энтропийным процессам её экономического и геополитического саморазрушения, в частности «… чрезвычайному усилению позиций компрадорского капитала, который уже стал к тому времени влиятельным фактором внутренней и внешней политики страны». Поскольку такая политика ориентирована исключительно на частную выгоду держателей капитала, то, несомненно, самым выгодным делом оказывалась распродажа России – соответствующий мировой рынок (заказчики и покупатели) уже был сформирован **[**10, с. 220**].**

Другой путь мог быть связан с вызревающим на территории Тихоокеанского побережья *своего евразийского проекта*. Он базируется в настоящее время на концепции моста между Тихим и Атлантическим океанами [14, с. 8 – 21]**.** Но за реальные возможности участия в нем России ещё необходимы были значительные организационные усилия, чтобы он прошел по её территории, насыщая российские пространства живительной энергией. Из имеющихся у нашей страны ресурсов наибольшую привлекательность для этих мирохозяйственных отношений тогда представляли её природные богатства, пространственные масштабы и возможности создания глобальных транспортных и коммуникационных систем. Здесь уместно отметить, что на данные ресурсы как на конкурентные преимущества Дальнего Востока было обращено внимание и в российской Государственной программе социально-экономического развития этой территории (2014 г.). Следует признать, что каждый из этих ресурсов (при определенных условиях) может быть использован зарубежными странами в западных направлениях, обходя интересы российских дальневосточных территорий.

Рассматриваются и такие версии возможных проектов, когда Россия будет обречена на запустение и провинциализацию либо колонизацию Дальнего Востока и Сибири Японией, Кореей, Китаем и другими странами [10, с. 220**].** Впрочем, уже рассматриваются варианты проектов, в которых предусматриваются финансовые, инновационные и другие ресурсы США и Китая [9, с. 35 – 79.], демографические возможности Северной и Южной Корей, научно-технический потенциал Японии и пр. Из ресурсов России преимущественный интерес в них продолжают вызывать её природные богатства, пространственные масштабы и возможности создания глобальных транспортных и коммуникационных систем.

Для россиян, а для дальневосточников в особенности, наиболее важен тот результат, где относительно всех вариантов в нашей стране возобладала

бы модель *реформационного* процесса, переросшая в последующем в *модернизационнную*. В геополитической составляющей России появились аспекты, нацеленные на культивирование идеи «возрождения отечества» [10, с. 220 – 221]. Считается, что Россия при этом не должна следовать логике конфронтации по отношению к другим геополитическим подходам, традициям и направлениям, также как ей не стоит уходить из интересов Евразии, поскольку такие шаги будут способствовать мощной экспансии сюда других конкурирующих стран Тихоокеанского региона. В сложившихся обстоятельствах страны-участники этого процесса вырабатывают для себя некие специфические правила поведения. Применительно к рассматриваемым здесь вопросам эти правила означают, что для достижения успеха своей деятельности её участникам необходимо применять некие нетрадиционные методы и средства. Показателен в этом отношении пример Китая. Так, в его политических кругах получила хождение концепция «продвижения на Запад» (*си цзинь*). Полная формула в одном из вариантов проекта гласит: обеспечивая стабильность на Востоке, держаться крепко на Севере, продвигаться на Запад, опускаться на Юг (*дун вэнь, бой цян, си цзинь, нень ся*) [7, с. 5]. С большой вероятностью можно предположить, что Китай формирует модель общественных отношений с двойной идентичностью: собственно китайской и евразийской.

Россия, подчиняясь общецивилизационным требованиям поведения, тоже вынуждена вырабатывать специфические правила поведения. Имеется мировоззренческая позиция, согласно которой традиционная политика России в Евразии базируется на двух главных принципах: единой судьбы всех народов, населяющих наше цивилизационное пространство – коллективной жертвенности и коллективного прорыва в будущее, исключая сепаратные варианты «спасения избранных»; а также «цивилизационной идентичности» в качестве «третьего Рима» или «второго мира», – обладающих собственной высокочтимой спецификой, в сравнении с Западом и Востоком [10, с. 219**].** В сложившейся социокультурной ситуации эта мировоззренческая позиция должна быть тщательно *осмыслена* и *переосмыслена* с учетом российских геополитических интересов. Без активного участия в формировании правил собственного цивилизационного поведения и геополитических ценностей Россия не сможет отстоять свои интересы в этом ареале. Не впадая в состояние утраты собственных социальных приоритетов и не выражая чувства обескураженности перед материальным и поведенческим превосходством представителей других культур, следует осмысливать *социальные* ценности российской жизни, включая дальневосточные её варианты. Российским субъектам социального управления предстоит проведение глубоких исследований поведенческих и духовных факторов жизни своего населения, переоценки его либеральных, творческих, инновационных и других социально значимых характеристик. «… Глобальный экономический контекст экономического и геополитического прорыва России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, – отмечается в Стратегии социально-экономического развития Дальнего

Востока и Байкальского региона, – предполагает в долгосрочной перспективе особые характеристики развития Дальнего Востока». Исходя из нынешних тенденций приоритетности «морали успеха», в социальных ценностях дальневосточников должны весомо ощущаться те, которые определяют их гарантии благополучия и качество жизни. Но эти гарантии и качества должны быть выражены через факторы модернизации условий жизнедеятельности, формирование новых социальных территориальных структур, участие в нём самого населения, институтов власти и общественных организаций. Те социальные проблемы, на основе которых возникают и формируются противоречия в поведении россиян, включая дальневосточников, и препятствующие практическому достижению такого успеха в сфере инициативности, инновационности, предприимчивости, должны быть учтены в стратегиях макрорегиона как *преодолеваемые.*

Уже в 80-е гг XX столетия стали обнаруживаться ограниченности господствующей к тому времени Концепции социально-экономического развития российского Дальнего Востока, в соответствии с которой основным его спонсором выступает государство, а потребителем практически всей производимой продукции являются предприятия и население страны [12, с. 9 – 12]. Была сделана попытка применить новую модель развития дальневосточных территорий. Основной её идеей было предложение о том, чтобы Дальний Восток ориентировал свою продукцию на рынки стран АТР. Такая долговременная Государственная программа развития и размещения производительных сил и транспортного обеспечения Дальневосточного экономического района и Забайкалья была официально принята Советом министров СССР в 1987 г. Ее выполнение планировалось осуществить до 2000 г. К началу 1990-х гг. уже стало ясно, что заложенная в основу этой программы концепция госфинансирования не соответствовала реалиям экономики страны. Возможности и условия эффективного проведения политики гарантированного государственного патронажа по отношению к Дальнему Востоку стали очень сложными и трудно осуществимыми.

Российскими учеными в тех условиях были предложены следующие основные идеи. *Во-первых,* необходимость изменения типа *экономических взаимоотношений периферии с центром*: они должны основываться на налоговых принципах, когда из региона в центр поступают платежи, а продукция, производимая в регионе, реализуется в соответствии с *коммерческими* соображениями на государственном или свободном рынке, исходя из выгодности конкретной формы реализации. *Во-вторых,* базой для стабилизации социально-экономической ситуации и поддержания устойчивости во внешнеэкономических операциях и платежах должен оставаться *сырьевой* сектор. *В-третьих,* должно максимально полно использоваться географическое положение региона, его близость к странам Азиатско-Тихоокеанского бассейна. *В-четвертых,* актуальна необходимость учёта плохой освоенности территории макрорегиона, что

предполагает повышенные затраты на её освоение, создавая возможности выбора вариантов развития и размещения производительных сил. *В-пятых*, в связи с ростом напряженности в межнациональных отношениях должны иметься ввиду объективные условия превращения Дальневосточного региона и Забайкалья в территории повышенной притягательности для населения различных национальностей. *В-шестых*, необходимо учитывать военно-политический аспект дальневосточных территорий, являющихся традиционно важной опорной базой страны на Тихом океане. Главной целью привлеченной к разработке этого варианта стратегии развития Дальнего Востока и Забайкалья наукой было провозглашено максимальное содействие созданию экономического потенциала, поддерживающего и стимулирующего региональное развитие, обеспечивающего: 1) возможности саморазвития региона в системе разделения труда; 2) создание гибкого механизма регулирования (в том числе и государственного). В первую очередь предлагались модернизация и развитие сырьевого сектора экономики.

Нынешняя оценка социально-экономической ситуации в дальневосточных территориях позволяет сделать вывод, что ряд её проблемных аспектов был обусловлен недостаточной методологической и теоретической проработанностью рассматриваемых в этом проекте вопросов. Очевидно, что были преувеличены возможности *саморазвития* макрорегиона, в том числе на основе преимущественной модернизации *сырьевого* сектора экономики. При таком варианте развития ослабляется внимание к значимости *созданной добавочной стоимости*, включая для этой деятельности такие мотивационные факторы, как предприимчивость, инициативность, инновации, которые предполагаются в качестве ведущих цивилизационных достижений современной культуры труда и хозяйствования. Подобные оценки напрашиваются и относительно недостаточного внимания к качественным характеристикам самого населения как социальной основе жизнедеятельности этих территорий, включая качество труда – ведущей предпосылки *справедливого ожидания* высокого уровня качества жизни дальневосточников. Следует признать, что эта практика оказала соответствующее действие не только на «затормаживание» процессов совершенствования качества жизни дальневосточников, но и на анклавизацию этой территории [15, с. 19 – 27**]**. Было бы полезным выяснить: являются подобные методологические и теоретические «*просчёты*» специфической особенностью российского менталитета или они характеризуют некоторые черты российской, пусть даже и дальневосточной, экономической науки? Ответ на этот вопрос можно найти в ходе сравнительного анализа предлагаемых вариантов реформирования и модернизации социально-экономического развития дальневосточных территорий. Он важен для понимания ранее поставленного вопроса: неужели всё так плохо в состоянии российской социальности и её «дальневосточности»? [5; 6].

*К третьей стороне* исторических событий в судьбе России, определению стратегии её развития и разработки такой стратегии в тесной привязке к жизненным процессам на территориях Дальневосточного региона (названным нами как третья точка) обратимся на основе событий XXI столетия. Они обусловлены в значительной мере современными процессами непосредственного принятия государственных решений о Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока. За утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2009 г. Стратегией социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона последовали государственные программы социально-экономического развития этих территорий (2013 и 2014 гг.). Со стороны органов государственного управления страны и регионов этим действиям предшествовали многолетние и разнообразные поиски мер, направленных на разработку вариантов решений рассматриваемых здесь проблем, приемлемых к имеющимся у территорий условиям. Государственные институты новой России сохранили традицию прежних высших органов власти страны по формированию особого отношения к территориям Дальнего Востока и организации здесь жизнедеятельности населения.

Ко времени стратегических модернизационных преобразований на территориях страны и на Дальнем Востоке были проведены действия, послужившие в последующем исходными условиями для выбора направлений *тактического* поведения субъектов предполагаемых *стратегических* изменений. Они представляли собой, в первую очередь, комплекс *социальных* мер, позволивших в возможной мере сохранить накопленный уровень организации территорий, их целостные ориентиры во взаимоотношениях регионов между собой и с центром, включить в процесс модернизационных преобразований территориальные ресурсы и направить их на последующие трансформационные преобразования. Отметим некоторые наиболее важные из этих социальных ресурсов.

Была построена и стала функционировать современная система органов государственной власти и органов местного самоуправления, осуществлено административно-территориальное устройство самих субъектов РФ, а также федеральных округов, которые требовали к себе соответствующего внимания и определенного отвлечения сил и средств. Функционирование прежниех социокультурных, геополитических и других территориальных связей и отношений, формирование новых хозяйственно-экономических, финансовых, коммуникационных, социальных, организационных и других структур нуждалось в создании среды для преемственности и адаптации к меняющимся условиям. Крупнейшая задача, определяющая жизнедеятельность всего Дальнего Востока, состояла в реализации такой его специфики для всей России, как пространственное распределение и перераспределение внутренних и внешних связей страны, в том числе экономических и геополитических (отраслевых и ведомственных структур), без чего невозможно достичь её целостности и ввести в действие преимущества по приближению к АТР. Её решение предполагает

соблюдение некоторых особых требований к построению социальной структуры населения этой территории, организации социальных процессов и приоритетов на ней. Такие структурные перестройки являются необходимыми формами сохранения территориальных преимуществ страны в её взаимодействиях с Дальним Востоком, а также способом активизации всей системы связей и отношений (общекультурных, цивилизационных, геополитических, экономических, социальных, коммуникационных, информационных, финансовых и пр.). Таким путем удаётся реализовать интегрирующий потенциал России в системе экономических и других пространственных связей Азии и Европы [13**].**

В модернизационный период сохранено применение программного подхода к трансформации территориальных систем общественных отношений. Можно спорить о степени эффективности реализации применяемых программ. Бесспорным является то, что их цели были направлены на совершенствование процессов модернизации дальневосточных территорий при вхождении в систему АТР, а также на благоприятное содействие интересам всей России [4]. В рассматриваемый период была создана (1990 г.) и активно действует до настоящего времени Ассоциация экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Дальний Восток и Забайкалье». Она является координатором деятельности многих российских и зарубежных органов, участвует в решении долгосрочных и перспективных дальневосточных социальных проблем. В этот период в дальневосточных территориях проведен ряд мероприятий (конференций, симпозиумов, «круглых столов» и пр.), деятельность которых направлена на участие в рассматриваемых модернизационных процессах. Таким способом происходят конкретизация целей, задач, форм и направлений деятельности по выработке нынешней стратегии модернизации вхождения дальневосточных территорий в Российскую Федерацию и решение на этой основе общероссийских вопросов.

В этот период происходит зарождение новых форм и методов работы в социальной сфере, трансформируются прежние направления такой деятельности. Одним из важнейших среди них следует отметить развитие *некоммерческого* сектора направлений социальной работы. Он развивается во всех дальневосточных субъектах РФ в направлениях поддержки детства, молодежи, пожилых людей, инвалидов, одиноких и др. Их основу составляет социальная активность самих жителей макрорегиона. Как показывают исследования, они представляют большой интерес для населения и всех уровней органов власти [11].

Из сказанного можно сделать вывод, что подготовка модернизационной стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока занимает *необходимый* для этого период времени. На этом этапе переосмысливаются приоритеты дальнейшего движения этих территорий, происходят *выработка* важнейших *идей и отбор* приемлемых для практической реализации их вариантов. Выносимые «на суд общественности», в том числе научного

сообщества, идеи подвергаются гносеологической процедуре «*фальсификации*», испытывая на себе отношение поддержки и одобрения либо критики и корректировки. Предложенные федеральными государственными органами Стратегия и Программы социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона нашли заинтересованные отклики в деятельности органов власти и управления, хозяйствующих субъектов, научных и общественных организаций, выразились в обсуждениях, публикациях и многих других формах деятельности дальневосточников.

***3. Если взялся за гуж… Актуальные проблемы российской и дальневосточной социальности.***

Следует признать, что оптимальные решения дальневосточных социальных вопросов не «лежат на поверхности», ожидая к себе внимания со стороны пытливых наблюдателей. Нужна тяжелая и долговременная работа по созданию приемлемых для дальневосточников социальных форм жизнедеятельности. Их, и это тоже надо признать, до настоящего времени не создано ни в теории, ни, тем более, на практике. Будет великим упрощением отождествление всех рыночных *экономических* отношений с *цивилизационными*.

Необходима дальнейшая кропотливая работа по разграничению модернизационных задач и мер с тем, чтобы не допускать к реализации тех из них, которые бы дезориентировали экономические, организационные и другие социальные действия, требуя в последующем привлечения для своего исправления дополнительных сил и средств. А такие факты допускаются повсеместно. Например, геополитическая задача по закреплению населения на Дальнем Востоке, звучавшая своевременно в середине 90-х гг. прошлого столетия и перенесенная в нынешнюю стратегию его развития, должна быть конкретизирована с учетом изменений ресурсных, экономических и социальных условий, чего зачастую не происходит (кроме требования увеличивать на эти цели финансовые расходы, а также попыток всемерного выполнения плановых заданий по привлечению сюда населения без достаточного обоснования его качественных характеристик). Должны учитываться меняющиеся условия участия населения в социальных преобразованиях своей жизни, создания её культурных основ как *мощнейшего социального ресурса* модернизационного процесса на российских дальневосточных территориях, а не только зарабатывания на этих акциях дополнительных доходов.

Следует признать, что пока сохраняются многие проблемы современной модернизации жизни дальневосточных территорий. Одной из них выступает отсутствие достаточной взаимной ответственности между бизнесом и властью. Как свидетельствуют результаты научных исследований, за годы многолетних реформ в России «… так и не сложилось взаимной ответственности между властью и бизнесом: из-за коррумпированности, повышенных тарифов, низкой доступности кредитов – с одной стороны, и недобросовестной конкуренции, оффшорных зон ведения

бизнеса, серого импорта – с другой стороны» [3]. Этот факт позволяет выразить сомнение о действенности предлагаемых некоторыми авторами соглашений между имеющимся в стране крупным бизнесом и государством. «… Только выстраивая взаимодействие на таких прозрачных принципах и оправдывая ожидания друг друга, – считает М. Ласточкина, – будет возможно обеспечить стабильное поступательное развитие страны и каждого региона в нынешних условиях модернизации и конкуренции стран за мировое лидерство» [8, с. 109]. Считаем, что при этом должна быть учтена важнейшая роль *решения* конкретных социальных вопросов населения в жизни территорий.

Остается открытым вопрос о процедуре определения стратегии развития Дальневосточного макрорегиона (*отбора* вариантов и направлений поступательного движения территорий, *выбора* организационно-правовых форм принятия решений, *участия* в них населения и пр.). Но шаги в этом направлении уже сделаны и жребий брошен: *если взялся за гуж…* Многие практические вопросы реализации модернизационных задач развития дальневосточных территорий, включая и социальные вопросы, уже успешно решаются в ходе ведения организационной деятельности федеральных, региональных и муниципальных органов власти и управления, хозяйствующих предприятий и учреждений, некоммерческих организаций, самодеятельности населения макрорегиона.

### *Литература и источники:*


*1. Алексеев, А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки (до конца XIX в.) / А. И. Алексеев. – М., 1982.*

*2. Алексеев, А. И. Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX в. – 1917 г.) / А. И. Алексеев, Б. Н. Морозов. – М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989.*

*3. Глазьев, С. Ю. Жребий брошен / С. Ю. Глазьев // Эксперт. – 2013. – № 17 – 18 (849). URL:http://expert/2013/18zhrebij-brothen/*

*4. Горбунов, Н. М. Межрегиональное сотрудничество в период реформ / Н. М. Горбунов. – Владивосток : Дальнаука, 2000.*

*5. Ефременко, В. Ф. Дискуссионная площадка: Как жить и хозяйствовать на Дальнем Востоке России: проблемы демографического воспроизводства населения на Дальнем Востоке в условиях экономического роста / В. Ф. Ефременко, В. К. Заусаев, Н. М. Байков [и др.] // Власть и управление на Востоке России. – 2015. – № 2. – С. 8 – 18.*

*6. Заусаев, В. К. Чукотка: новая модель развития Дальнего Востока? / В. К. Заусаев // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – № 4. – С. 141 – 146.*

*7. Ларин, А. Китайская стратегия «продвижения на Запад» и «новый шелковый путь» / А. Ларин, В. Матвеев // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – № 5. – С. 5 – 15.*

*8. Ласточкина, М. Дальний Восток в контексте модернизации России / М. Ласточкина // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – №. 2. – С. 109 – 117.*

*9. Отношения КНР и США на современном этапе: состояние, перспективы и вызовы для России // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – № 4. – С. 35 – 79.*

*10. Панарин, А. С. Россия на рубеже тысячелетий / А. С. Панарин // Вестник Российской академии наук. – 1996. – № 3. – С. 216 – 221.*

*11. Проведение мониторинга результатов деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций в Хабаровском крае и прогноз их дальнейшего развития // Аналитический отчет по выполнению научно-исследовательской работы : Байков Н.М., Березутский Ю.В. (проведен по заказу Правительства Хабаровского края). – Хабаровск : ДВИУ РАНХиГС. 2013.*

*12. Российский Дальний Восток: стратегия развития в XXI веке : монография / отв. ред. Л. А. Аносова. – М. : Институт экономики РАН, 2014.*

*13. Северо-восток России: региональная экономика и управление : монография / Е. А. Борисов [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Финтрекс, 2006.*

*14. Уянаев, С. Китайский проект «Один пояс – один путь»: концепция, план, сотрудничество с Россией / С. Уянаев // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – № 4. – С. 8 – 21.*

*15. Шиян, В. Н. Дальневосточные ориентиры России / В. Н. Шиян // Власть и управление на Востоке России. – 2014. – № 3. – С. 19 – 27.*